

Вологодский государственный педагогический университет

На правах рукописи

Кукушкин Василий Леонардович

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ КРЕСТЬЯНСТВА
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
В 1918—1920-х гг.
(на материалах Архангельской, Вологодской
и Северо-Двинской губерний)**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Вологда 2002

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор **М. А. Безнин**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор **В. И. Чупров**,
кандидат исторических наук **Р. А. Малахов**

Ведущая организация:

кафедра истории Череповецкого государственного университета

Защита состоится 26 апреля 2002 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета К.212.031.01 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160001, г. Вологда, проспект Победы, д. 37, ауд. 78.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «25» марта 2002 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

С. Г. Карпов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Первое десятилетие после революции 1917 г. стало последним этапом истории традиционного крестьянского сообщества с преобладанием единоличной формы ведения хозяйства и господством общинной организации деревенского социума. Именно тогда сформировались основы существовавших более семидесяти лет взаимоотношений крестьянства и советской власти, в регулировании которых важнейшую роль играл социальный протест сельчан. В борьбе за экономическое и социальное выживание доколхозное крестьянство Европейского Севера России 1918—1920-х гг. выработало ценный опыт ненасильственного противостояния власти, который позволяет изучить механизм мирного разрешения социальных конфликтов и осветить историческую преемственность форм протеста, что важно на современном этапе развития страны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает крестьянство Европейского Севера России. Предметом исследования является реакция несогласия крестьянства с проводимой в его отношении государственной политикой, конкретными мероприятиями власти, поведением ее представителей. Под протестом также понимается обусловленное недовольством политикой власти поведение крестьянства, выражающееся в игнорировании государственных интересов, в неподчинении властным распоряжениям, в их ненадлежащем исполнении, в неприятии социального неравенства.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с 1918 по 1929 г. Начальная грань исследования совпадает по времени с первыми крестьянскими восстаниями против чрезвычайной политики советской власти летом и осенью 1918 г. Верхняя грань исследования связана с переходом к сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и с началом нового этапа протеста в условиях формирующегося колхозного строя.

Территориально исследование ограничено Европейским Севером России в пределах Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний. Для этого региона были характерны традиции общинного самоуправления и схожие условия хозяйственной жизни. Кроме того, природные и экономические условия этих северных губерний наложили отпечаток на преимущественно

мирный характер взаимоотношений местного крестьянства и власти. Для определения особенностей развития Европейского Севера в исследовании использовалось сравнение с другими регионами страны.

Историография проблемы. С началом аграрных преобразований Советского правительства появились первые работы исследователей, основной целью которых было объяснение хозяйственной политики и реакции на нее в российской деревне¹. Некоторые исследователи объясняли кризисы экономической политики 1918—1920-х гг. недовольством и сопротивлением крестьянства². Важные концептуальные разработки, позволяющие раскрыть мотивацию протеста в экономическом поведении крестьянства, принадлежали представителям организационно-производственной школы. А. В. Чаянов в своей теории трудопотребительского баланса крестьянского двора объяснял стратегию “выживания” деревенской семьи необходимостью поддержания равновесия между трудовыми усилиями и потребительскими расходами едоков³.

В 1930-е гг. протест крестьянства рассматривался прежде всего как борьба класса деревенской буржуазии (кулачества) против политики советской власти⁴. В 1950-е — начале 1960-х гг. проблемы классовой борьбы освещались эпизодически, о чем говорилось на состоявшейся в Москве в апреле 1961 г. научной сессии историков-аграрников⁵. С учетом этого в 1960—1980-е гг. были написаны работы В. П. Даниловым, Ю. А. Поляковым,

¹ Самойлова К. Продовольственный вопрос и Советская власть. Пг., 1918; Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства Советской власти. М., 1920; Четыре года продовольственной работы. М., 1922; Хрящева А. Н. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926.

² Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 году. М., 1921; Струмилин С. Г. К реформе урожайной статистики // Экономическое обозрение. 1924. Вып. 9—10. С. 44—50; Гурьев А. А. Обложение крестьянского хозяйства и реформа сельскохозяйственного налога // Там же. 1924. Вып. 8. С. 23—35; Крицман Л. Н. Героический период Великой Русской Революции. М., 1926.

³ Чаянов А. В. Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства. М., 1923; Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

⁴ Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне в эпоху “военного коммунизма”. Воронеж, 1930; Ангаров А. Классовая борьба в Советской деревне. М., 1929; Залесский М. Я. Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940; Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним // Историк-марксист. 1940. №9. С. 70—84.

⁵ История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 198, 314.

В. В. Кабановым, И. Е. Зелениным⁶ и другими исследователями⁷. Эти работы весьма важны для понимания особенностей взаимоотношений крестьянства и власти в 1918—1920-х гг. Среди форм классовой борьбы 1920-х гг. наибольшее внимание советских историков привлекал “кулацкий террор”. Одновременно изучалась борьба деревенской бедноты с влиянием кулачества⁸.

В современной историографии на основе новых источников и методологических подходов продолжается изучение государственной политики в российской деревне 1918—1920-х гг. Отечественные и зарубежные исследователи пытаются осмыслить истоки и конкретно-историческое содержание политики большевистского руководства, отношение к ней крестьянства⁹. Однако в работах современных историков еще не изучено все многообразие форм крестьянского протеста в 1918—1920-х гг. Важное место в современной историографии занимают исследования политической и социальной психологии крестьянства, мотивации протеста. Использование технологий количественного анализа позволяет изучить масштабы и динамику оппозиционных настроений крестьянства, выявить их взаимосвязь с государ-

⁶ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях “военного коммунизма”. М., 1988; Зеленин И. Е. Совхозы в первое десятилетие советской власти. 1917—1927. М., 1972.

⁷ Некрасов К. В. Борьба Коммунистической партии за победу колхозного строя в Северном крае (1929—1937 гг.). Сев.-Зап. кн. изд-во, 1973. С. 35—36; Рудалева А. В. Подготовка массового колхозного движения в Архангельской губернии (1927—1929 гг.). Архангельск, 1959.

⁸ Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). М., 1960; Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923). Часть 1. Л., 1964; Донков И. П. Организация разгрома “Антоновщины” // Вопросы истории КПСС. 1966. № 6. С. 59—71; Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). М., 1968; Кукушкин Ю. С. Кулацкий террор в деревне в 1925—1928 гг. // История СССР. 1966. № 1. С. 94—101; Сидоров В. А. Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921—1929. М., 1978; Гушин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975. С. 46—60; Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М., 1972; Шпрыгов А. П. Из истории борьбы с кулацко-эсеровской контрреволюцией на Европейском Севере РСФСР 1920—1921 гг. // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. История КПСС. . . . Вып. 1. Л., 1986. С. 119—121.

⁹ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. М., 1996; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (нач. 30-х гг.). М., 1996; Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине. 1918—1919 годы. М., 1997; Буддаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

ственной политикой и протестом¹⁰. Весьма популярным является изучение отношения крестьянства к армейской службе, в частности — дезертирство. Исследователи интерпретируют дезертирство как крестьянскую оппозицию большевистскому режиму¹¹. Вместе с тем в научной литературе недостаточно освещены многие другие формы уклонения крестьян от военной службы. Значительный интерес отечественных исследователей продолжают вызывать вопросы противодействия верующих селян атеистической идеологии власти¹². Протестный аспект религиозного сектантства раскрывают работы А. И. Клибанова, Ю. В. Гагарина, В. Ф. Миловидова, А. Эткинда¹³. Между тем необходимо рассмотреть взаимосвязь религиозной оппозиции крестьян с многими видами протеста в экономической и социально-политической сферах.

Подводя итог развития историографии социального протеста крестьянства 1918—1920-х гг., необходимо отметить, что наиболее изученными являются проблемы разработки и реализации аграрной политики государства, социально-экономических условий конфронтации сельчан с властью. В историографии классовой борьбы в основном исследовались формы активного насильственного противодействия деревенской буржуазии политике государ-

¹⁰ Саблин В. А. Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1994. С. 64—82; Доброноженко Г. Ф. ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921—1927 гг. Сыктывкар, 1995; Лаврик Л. А. Политические настроения дальневосточного крестьянства в годы новой экономической политики: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; Ибрагимова Д. Х. Нэп и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919 гг.: Политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999.

¹¹ Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 90; Фефелов С. В. Большевики и российская деревня весной—осенью 1919 года. М., 1998; Ильин Ю. А. Советская власть и крестьянство. Иваново, 1998.

¹² Кривова Н. А. Власть и Русская Православная церковь в 1922—1925 гг.: Автореф. ... докт. ист. наук. М., 1998; Михайлов С. В. Государство и церковь: Отношения органов власти, религиозных органов и верующих на Архангельском Севере в 1918—1929 гг.: Автореф. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998; Камкин А. В., Спасенкова И. В. и др. Общественно-религиозная активность сельского православного населения Европейского Севера в 1918 — начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке. Вологда, 2000. С. 36—51.

¹³ Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. М., 1969; Гагарин Ю. В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Коми кн. изд-во, 1971; Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. М., 1979; Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998.

ства, проявления несогласия сельской бедноты с социальным неравенством. Современные историки постепенно отказываются от узкоклассовых характеристик крестьянского протеста. Вместе с тем остается мало изученной мотивация протеста всего крестьянства, недостаточно освещены в научной литературе пассивные ненасильственные формы и конкретные способы противодействия сельчан власти, не показана динамика протеста в 1918—1920-х гг. Эпизодически освещались его формы и на Европейском Севере России.

В этой связи целью диссертационного исследования является изучение социального протеста крестьянства Европейского Севера России в 1918—1920-х гг. путем решения следующих задач:

- выяснения истоков социального протеста крестьянства;
- выявления форм и способов сопротивления селян власти;
- определения динамики развития социального протеста в 1918—1920-х гг.

Методологическую основу исследования составили концептуальные разработки по истории крестьянства российских и зарубежных ученых¹⁴. Основопологающим методологическим подходом предлагаемого диссертационного исследования является системный подход, в соответствии с которым формы и способы социального протеста рассматриваются как элементы целостной системы взаимоотношений власти и общества. Системный подход предполагает применение общенаучных методов и специальных методов исторического исследования (историко-генетического, историко-сравнительного, синхронного, диахронного и др.). Применялся и социологический метод, например при выборочном обследовании анкет дезертиров Вологодского уезда 1920—1921 гг., для выявления мотивации бегства крестьян из Красной Армии.

¹⁴ Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984; Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984; Скотт Дж. Оружие слабых: Обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение: Ежегодник. М., 1996. С. 26—59; Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне 1945—1960 гг. (на материалах Европейского Севера России): Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996.

Источниковую базу диссертации составили опубликованные и архивные документы. В диссертации использовались материалы более 40 фондов из 7 федеральных и местных архивов (Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), государственных архивов Архангельской и Вологодской областей (ГААО и ГАВО), Великоустюгского филиала государственного архива Вологодской области (ВУФ ГАВО), Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ), ведомственного архива УФСБ по Вологодской области).

Вся совокупность изученных и использованных по теме источников делится по следующим группам: теоретические работы политических лидеров страны, нормативно-правовые акты советских органов власти, материалы государственной статистики, документы Коммунистической партии и ведомственного делопроизводства, материалы периодической печати, источники личного происхождения (письма, мемуары и дневники граждан), фольклорные и литературно-художественные произведения.

При выполнении диссертации изучались теоретические работы политических лидеров страны — В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, отражающие основополагающие принципы политики государства в 1918—1920-х гг.

Нормативно-правовые акты советских органов власти раскрывают установленные руководством страны нормы социального поведения. В диссертации было использовано более двадцати нормативно-правовых актов Советского правительства (Земельный кодекс РСФСР 1922 г., Лесной кодекс РСФСР 1923 г., Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг., некоторые законы, декреты, постановления).

Материалы государственной статистики (использовано 22 статистических сборника) играют важную роль в освещении масштабов протеста и репрессий, применяемых к протестующим крестьянам.

Документы Коммунистической партии отражают отношение партийного руководства страны к крестьянству. В диссертации использованы документы съездов, конференций и пленумов партийных органов различных уровней

Документы ведомственного делопроизводства включают в себя организационно-распорядительную, отчетную, контрольную и учетную документацию, материалы политического следствия, деловую переписку.

Комплекс *организационно-распорядительных документов* содержит положения, циркуляры, распоряжения, приказы, протоколы, обращения к населению партийных и советских органов. В диссертации нашли применение около тридцати таких документов, которые, как правило, освещают деятельность органов власти, направленную на борьбу с крестьянским протестом.

Отчетная документация (более 100 использованных в диссертации отчетов, докладных записок, донесений) позволила исследовать количественный аспект крестьянского протеста и конкретные способы сопротивления власти. Применительно к освещению протеста красноармейцев весьма содержательны доклады и отчеты военкоматов, комиссий по борьбе с дезертирством.

В диссертационном исследовании использовалась и *контрольная документация* (более 100 документов), состоящая из обзоров деятельности хозяйственных и административных учреждений, сводок ВЧК—ОГПУ о политических настроениях крестьянства. Именно они выявляют конкретные факты незаконных представителей власти и недовольства крестьян политикой государства.

Учетные документы способствовали изучению социального облика протестующего крестьянства, мотивации его сопротивления власти. Вместе с двумя десятками книг регистрации, списков, характеристик крестьян, уклоняющихся от повинностей и армейской службы, к использованным в диссертации учетным документам относятся 1500 анкет дезертировавших красноармейцев Вологодского уезда.

Материалы политического следствия подробно освещают участие крестьян в социальном протесте. В диссертации были использованы документы шести судебно-следственных дел революционных трибуналов, народных судов и прокуратуры по фактам участия крестьян в восстаниях, самоуправных захватах земли, убийствах советских работников, погромах имущества коллективных хозяйств.

Деловая переписка, в частности письма государственных служащих в вышестоящие органы власти, важна для исследования детальной характеристики ситуации на местах. В диссертации использовано около тридцати информационных писем секретарей парткомов, документов оперативной связи (телеграмм и телефонограмм) а также других корреспонденций ответственных работников.

Материалы периодической печати представлены в диссертации тридцатью газетными сообщениями, среди которых доминируют заметки сельских корреспондентов (селькоров) провинциальных газет. Несмотря на во многом субъективную интерпретацию событий, в заметках селькоров весьма реалистично описываются подробности повседневной жизни сельчан в 1920-е гг., в том числе борьба за землю, хулиганство, самогоноварение, самосуды, конфликты с представителями власти.

В диссертации использовано несколько десятков опубликованных и архивных источников личного происхождения (письма, дневники, воспоминания граждан). Документы, вышедшие из-под пера крестьян, весьма показательны в плане освещения отношения деревенского населения к власти.

Ценные сведения об условиях жизни и протесте содержат фольклорные произведения (частушки, пословицы, поговорки). Многие частушки характеризуются антисоветской направленностью. При выполнении диссертации было изучено несколько сборников фольклорных произведений 1918—1920-х гг., причем непосредственно в текст исследования вошла малая их часть.

Литературно-художественные произведения отечественных писателей (В. И. Белова, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, А. П. Платонова) позволили рассмотреть протест в контексте повседневной жизни общества в 1920—1930-е гг.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые в отечественной историографии предпринята попытка системного изучения в региональном масштабе социального протеста крестьянства в условиях гражданской войны и нэпа. При выполнении работы в основном использовались источники, впервые вводимые в научный оборот.

Практическое значение работы. Материалы предлагаемого исследования могут быть использованы в разработке курса отечественной истории, спецкурсов, а также для написания обобщающего труда по истории северного крестьянства в XX веке.

Апробация работы. Выводы диссертационного исследования были апробированы на межрегиональных и международных научно-практических конференциях: “Архивы — хранилище исторической памяти” (Вологда, октябрь 1998 г.); “Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век” (Архангельск, сентябрь 1999 г.); “XX век в документах вологодских архивов” (Вологда, март 2000 г.); XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы “Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: землевладение, землепользование, производство, менталитет” (Вологда, сентябрь 2000 г.); “Власть и оппозиция на Европейском Севере в 1917 — 1920-х годах” (Вологда, январь 2000 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, списка источников и литературы, 25 приложений.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, хронологические и территориальные границы исследования, дается обзор литературы и источников, сформулированы цель и задачи диссертации.

Глава первая “Сопротивление крестьянства государственной политике в хозяйственно-экономической сфере” включает два параграфа.

§ 1. “Борьба за землю и лесные ресурсы”. Уравнительный передел и распределение земли среди крестьян в ходе аграрной революции 1917—1920-х гг. не были завершены на Европейском Севере России. Местами земля была вообще не поделена и оставалась у ее прежних владельцев. Сельское хозяйство Европейского Севера страны в 1918—1920-х гг. продолжало развиваться в условиях малоземелья, чересполосицы, разбросанности угодий, дальноземелья, аграрной перенаселенности. Такие условия развития сельского хозяйства характеризовались значительной запутанностью и конфликтностью земельных отношений в крестьянской среде.

Урегулирование земельных отношений среди крестьян стало особенно необходимым к середине 1920-х гг. в связи с восстановлением разрушенного за период военных лихолетий сельского хозяйства Севера. В 1920-е гг. органы власти Европейского Севера в основном стремились урегулировать земельные отношения путем упорядочения крестьянского землепользования — землеустройства, которое, однако, производилось очень медленно. Так, в 1925 г. исполнение крестьянских заявок на землеустройство в Вологодской губернии составляло лишь 29% от их числа¹⁵. Вместе с тем советским законодательством крестьянам запрещалось покупать землю, ограничивалось право на лесные расчистки и частые переделы сельхозугодий. С 1924 г. ограничивается выход крестьян на хутора и отруба, активно поощряется землеустройство коллективных хозяйств. Одновременно, стремясь сохранить на Севере емкий рынок рабочей силы для лесозаготовительной промышленности, руководство страны препятствовало переселению сельчан в другие регионы России. Все эти меры часто не соответствовали экономическим интересам крестьянства Европейского Севера и местным традициям землепользования.

В 1920-е гг. борьба за землю крестьян Европейского Севера России включала несогласие с землеустройством, нарушение земельных законов, протест против произвола землеустроителей, недовольство социальным неравенством. Наиболее распространенными на Севере являлись пассивные и активные ненасильственные формы борьбы за землю: незаконная купля-продажа земли, апелляции к органам власти путем отправки писем и ходяков, покушения на земельные владения соседей (выпас скота, сенокосение, самовольные запашки, снос межевых знаков). Обычно покушения крестьян на земли соседей квалифицировались по статье 103 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. как самоуправство. По нашим подсчетам, с 1922 по 1927 г. за самоуправство в Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниях было осуждено 3277 крестьян. Имели место на Севере и факты радикального протеста против землеустройства колхозов. Так, 8 марта 1922 г. крестьяне деревень Лубозино и Большая Чирядка Шонгско-Николаевской волости Се-

¹⁵ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 9. Д. 13. Л. 74.

веро-Двинской губернии разгромили хозяйственные постройки артели “Звезда”. Причиной погрома стал спор из-за отведенного артели земельного участка¹⁶.

В 1918—1920-х гг. в регулировании крестьянского лесопользования органы власти Европейского Севера руководствовались правом государственной собственности на лесные пространства. В связи с этим органы власти часто устанавливали для крестьян платное пользование лесом. Высокая стоимость лесных ресурсов, неэффективность их охраны и нередко дефицит денег в крестьянских хозяйствах обусловили значительное количество лесонарушений. В 1923—1924 г. на Европейском Севере работники лесных ведомств одних только самовольных порубок зарегистрировали 13 632 случая. А были еще факты незаконной охоты, потрав леса скотом и другие виды лесонарушений. В 1926—1927 г. число самовольных порубок на Севере сократилось до 11 173, что объяснялось некоторым улучшением снабжения крестьян древесиной в результате предоставления в пользование деревенским сообществам лесов фонда местного значения¹⁷. Между тем иногда крестьянам отводились истощенные пожарами и порубками лесные наделы, что вызывало коллективные отказы от их эксплуатации. В Северо-Двинской губернии к марту 1926 г. от пользования предоставленными лесами местного значения отказались 375 деревень с населением 39 380 человек (6% сельских жителей губернии)¹⁸. Таким образом, противодействие крестьян власти в области лесопользования в большинстве случаев проявлялось в активных ненасильственных формах покушений на лесной фонд. Как правило, сельчане не выражали открытого недовольства условиями лесообеспечения, которые создавались государством, тем более что их интересам соответствовал слабый контроль власти за сохранностью лесных запасов.

В 1920-е гг. лес являлся важным источником государственных доходов, а крестьяне Европейского Севера привлекались к лесозаготовкам в качестве

¹⁶ ВУФ ГАВО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 114. Л. 100.

¹⁷ Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Восточной области на 5 лет. Архангельск, 1925. С. 31; Статистические данные по лесному хозяйству РСФСР за 1926—1927 год. М., 1929. С. 74—77.

¹⁸ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1641. Л. 664; Д. 1719. Л. 268.

Урегулирование земельных отношений среди крестьян стало особенно необходимым к середине 1920-х гг. в связи с восстановлением разрушенного за период военных лихолетий сельского хозяйства Севера. В 1920-е гг. органы власти Европейского Севера в основном стремились урегулировать земельные отношения путем упорядочения крестьянского землепользования — землеустройства, которое, однако, производилось очень медленно. Так, в 1925 г. исполнение крестьянских заявок на землеустройство в Вологодской губернии составляло лишь 29% от их числа¹⁵. Вместе с тем советским законодательством крестьянам запрещалось покупать землю, ограничивалось право на лесные расчистки и частые переделы сельхозугодий. С 1924 г. ограничивается выход крестьян на хутора и отруба, активно поощряется землеустройство коллективных хозяйств. Одновременно, стремясь сохранить на Севере емкий рынок рабочей силы для лесозаготовительной промышленности, руководство страны препятствовало переселению сельчан в другие регионы России. Все эти меры часто не соответствовали экономическим интересам крестьянства Европейского Севера и местным традициям землепользования.

В 1920-е гг. борьба за землю крестьян Европейского Севера России включала несогласие с землеустройством, нарушение земельных законов, протест против произвола землеустроителей, недовольство социальным неравенством. Наиболее распространенными на Севере являлись пассивные и активные ненасильственные формы борьбы за землю: незаконная купля-продажа земли, апелляции к органам власти путем отправки писем и ходоков, покушения на земельные владения соседей (выпас скота, сенокосение, самовольные запашки, снос межевых знаков). Обычно покушения крестьян на земли соседей квалифицировались по статье 103 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. как самоуправство. По нашим подсчетам, с 1922 по 1927 г. за самоуправство в Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниях было осуждено 3277 крестьян. Имели место на Севере и факты радикального протеста против землеустройства колхозов. Так, 8 марта 1922 г. крестьяне деревень Лубозино и Большая Чирядка Шонгско-Николаевской волости Се-

¹⁵ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 9. Д. 13. Л. 74.

веро-Двинской губернии разгромили хозяйственные постройки артели “Звезда”. Причиной погрома стал спор из-за отведенного артели земельного участка¹⁶.

В 1918—1920-х гг. в регулировании крестьянского лесопользования органы власти Европейского Севера руководствовались правом государственной собственности на лесные пространства. В связи с этим органы власти часто устанавливали для крестьян платное пользование лесом. Высокая стоимость лесных ресурсов, неэффективность их охраны и нередко дефицит денег в крестьянских хозяйствах обусловили значительное количество лесонарушений. В 1923—1924 г. на Европейском Севере работники лесных ведомств одних только самовольных порубок зарегистрировали 13 632 случая. А были еще факты незаконной охоты, потрав леса скотом и другие виды лесонарушений. В 1926—1927 г. число самовольных порубок на Севере сократилось до 11 173, что объяснялось некоторым улучшением снабжения крестьян древесиной в результате предоставления в пользование деревенским сообществам лесов фонда местного значения¹⁷. Между тем иногда крестьянам отводились истощенные пожарами и порубками лесные наделы, что вызывало коллективные отказы от их эксплуатации. В Северо-Двинской губернии к марту 1926 г. от пользования предоставленными лесами местного значения отказались 375 деревень с населением 39 380 человек (6% сельских жителей губернии)¹⁸. Таким образом, противодействие крестьян власти в области лесопользования в большинстве случаев проявлялось в активных ненасильственных формах покушений на лесной фонд. Как правило, сельчане не выражали открытого недовольства условиями лесообеспечения, которые создавались государством, тем более что их интересам соответствовал слабый контроль власти за сохранностью лесных запасов.

В 1920-е гг. лес являлся важным источником государственных доходов, а крестьяне Европейского Севера привлекались к лесозаготовкам в качестве

¹⁶ ВУФ ГАВО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 114. Л. 100.

¹⁷ Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Восточной области на 5 лет. Архангельск, 1925. С. 31; Статистические данные по лесному хозяйству РСФСР за 1926—1927 год. М., 1929. С. 74—77.

¹⁸ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1641. Л. 664; Д. 1719. Л. 268.

рабочей силы. В этом смысле конфликт с властью выражался в борьбе крестьян, нанятых на государственные лесозаготовки, за улучшение условий своего труда. В 1920-е гг. государственные лесозаготовительные организации, получавшие сверхприбыль от экспорта лесных материалов, стремились значительно сократить оплату труда лесорубов. Так, в 1923—1924 гг. удельный вес расходов на заработную плату лесорубов на Европейском Севере в среднем составлял лишь 4% от всего дохода государственных лесозаготовительных организаций. Нередко до 90% заработка выдавалось товарами и продуктами по ценам, превышающим их рыночную стоимость. Типичными явлениями на государственных лесозаготовках были задержки оплаты труда, штрафы, антисанитарные условия быта, отсутствие медицинского обслуживания¹⁹.

Несогласие крестьян с условиями труда на государственных лесозаготовках проявлялось в пассивных формах протеста: в отказах от поступления на работу, в прогулах, забастовках. В основном сопротивление бастующих лесорубов ограничивалось выдвижением экономических требований к администрации предприятий. В декабре 1929 г. доля крестьян, неявившихся на государственные лесозаготовки, составляла 60% от общего числа завербованных в Северном крае лесорубов²⁰.

§ 2. “Невыполнение государственных повинностей”. Весьма обременительными для крестьян Европейского Севера в 1919 — 1921 гг. были натуральные повинности (продразверстка и трудгужповинность). Как свидетельствовали многочисленные сообщения с мест, органы власти часто не учитывали реальной платежеспособности крестьянских хозяйств. Объем повинностей определялся директивами “сверху”, в связи с чем у крестьян, наряду с “излишками”, нередко изымалась часть необходимых ресурсов. Широко использовались представителями власти и методы принуждения. Так, в 1920—1921 г. ответственные за выполнение повинностей органы Северодвинской губернии применяли репрессии к крестьянам в 7074 случаях²¹. Сформировавшаяся за 1921—1924 гг. система сельскохозяйственного нало-

¹⁹ Контрольные цифры ... С. 37—39; ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1433. Л. 53.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 10. Д. 76. Л. 282.

²¹ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1414. Л. 277.

гообложения основывалась на комбинированном учете земли, скота и урожайности в конкретном регионе. Между тем крестьяне Европейского Севера считали неправомерным учет скота в качестве объекта обложения. Прибыльность животноводства была во многом обусловлена доходностью полеводства и луговодства, которая, в свою очередь, зависела от количества производимых скотом удобрений. В этом смысле налог со скота являлся повторным налогообложением земли. В 1925—1929 гг. налогообложение в деревне становится одним из путей получения средств, необходимых для создания в стране крупной промышленной индустрии. В связи с этим к концу 1920-х гг. налоговые платежи крестьян Европейского Севера значительно возросли. В Вологодской губернии в 1928—1929 г. сельхозналог на 1 крестьянское хозяйство в среднем составил 165% к уровню 1925—1926 г.²² Острие налоговой политики в 1920-е гг. было направлено против зажиточных и предпринимательских слоев деревни. Так, например, сумма налогообложения зажиточных крестьян по 32 обследованным селениям Вельского уезда Вологодской губернии в 1928—1929 г. возросла втрое по сравнению с 1927—1928 г.²³

В целом налоговая политика 1920-х гг. не отличалась гибкостью подхода к крестьянству, не учитывала хозяйственных интересов крестьян северных губерний. Сохранялись и методы принуждения в функционировании налоговых органов. В ходе некоторых годовых налоговых кампаний в Вологодской губернии судебным репрессиям подверглось: с 1 октября 1924 г. по 23 января 1925 г. — 3697 неплательщиков сельхозналога, с 1 октября 1926 г. по 1 января 1927 г. — 5957, с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. — 5110 неплательщиков сельхозналога. В Северо-Двинской губернии в ходе налоговой кампании с 1 октября 1926 г. по 1 июля 1927 г. репрессии были применены к 5329 неплательщикам сельхозналога²⁴.

В 1918—1920-х гг. сопротивление крестьян Европейского Севера государственным повинностям характеризовалось значительной вариативностью форм пассивного и активного ненасильственного протеста: сообщение пред-

²² ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 10. Д. 7. Л. 309; Оп. 12. Д. 9. Л. 161—162; Д. 10. Л. 493.

²³ Там же. Оп. 12. Д. 9. Л. 162.

²⁴ Там же. Оп. 9. Д. 9. Л. 15; Оп. 10. Д. 7. Л. 310; Оп. 12. Д. 10. Л. 495; ВУФ ГАВО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 376. Л. 244, 260, 332.

ставителям власти ложных сведений о состоянии хозяйств (сокрытие от учета земли и скота); фальсификация объемов сдаваемой продукции (примешивание в сдаваемые продукты земли и камней); умышленные задержки внесения натуральных и денежных платежей (неплатежи продолжались нередко вплоть до применения принудительных мер); жалобы в органы власти (в 1926—1927 г. в налоговые комиссии Вологодской и Северо-Двинской губерний поступило 89 599 заявлений об уменьшении сельхозналога²⁵); преднамеренное сокращение посевных площадей и поголовья скота (по нашим подсчетам, поголовье скота на Европейском Севере России в 1919 г. в среднем сократилось на 22% к уровню 1917 г., площади посевов в 1920 г. соответственно уменьшились на 42%); уклонение от трудгужповинности (в 1921 г. в Вологодской губернии было выявлено 7357 дезертиров труда²⁶); самогоноварение (форма саботажа продуктовых повинностей и государственной винной монополии); переселение с целью получения налоговых льгот (нередко имело несанкционированный характер). Формой активного насильственного и радикального протеста являлись восстания крестьян против отчуждения необходимых для жизни ресурсов.

Таким образом, в сфере хозяйственно-экономической жизни на Европейском Севере в 1918—1920-х гг. социальный протест сельчан был направлен против политики государства по ограничению и сокращению экономического пространства крестьянского сообщества. В этой связи крестьяне оборонялись от посягательств государства на их материальные ценности и боролись за овладение формально не принадлежащими им ресурсами.

Глава вторая “Протест крестьянства в социально-политической сфере” состоит из трех параграфов.

§ 1. “Община и власть: структура взаимоотношений”. Советское государство в 1918—1920-х гг. предписывало крестьянскому “миру” определенные функции, нормы и формы социального поведения, составлявшие официальную часть структуры взаимоотношений общины и власти. Крестьянская община должна была во всем проявлять лояльность к политическому режи-

²⁵ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 10. Д. 7. Л. 311; ВУФ ГАВО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 576. Л. 141, 225, 331.

²⁶ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 118. Л. 42.

му: участвовать в борьбе с преступностью и протестом, оказывать социальную помощь бедноте, ограничивать влияние кулачества и духовенства. Так, в годы гражданской войны крестьянский "мир" привлекался к борьбе с дезертирством. В телеграмме военного комиссара Ярославского военного округа от 26 августа 1919 г. комиссиям по борьбе с дезертирством Вологодской и Северо-Двинской губерний предписывалось "на всех сельских сходах убеждать население составлять приговоры, в которых граждане подпиской обязуются дезертиров не держать, заявлять ... о них, а вновь появляющихся всем миром препровождать в ближайшую уездкомдезертир²⁷". Однако община нередко выполняла свои функции, руководствуясь традиционными нормами и стереотипами социального поведения, которые составляли неофициальную часть структуры ее взаимоотношений с органами власти и не всегда соответствовали властным предписаниям. В этом контексте община Европейского Севера играла важную роль в интеграции, организации и регулировании сопротивления сельчан власти, что отразилось в пассивных формах протеста крестьянского социума: в укрывательстве дезертиров, в бойкотировании социальной помощи бедноте, патронаже над "лишенцами". Вместе с тем община влияла на активные насильственные и радикальные формы противодействия власти: самосуды (присвоение общиной функции суда), восстания. Как правило, участвуя в протесте, крестьяне Европейского Севера ориентировались на решения сельских сходов и на мнение большинства односельчан. Так, например, массовое укрывательство дезертиров нередко было обусловлено отказом крестьянского "мира" от информирования властей об убежищах беглых солдат. В связи с этим, летом 1920 г. за укрывательство дезертиров Вологодской губкомдезертир были оштрафованы 1 район, 5 волостей и 72 селения²⁸.

§ 2. "Уклонение от армейской службы". Красноармейцы Европейского Севера России в 1918—1920-х гг. в основном рекрутировались из среды местного крестьянства, что наложило отпечаток на их социальный протест. Как показало выборочное обследование 1500 анкет дезертиров Вологодского уез-

²⁷ ГАВО. Ф. 2525. Оп. 1. Д. 5. Л. 126.

²⁸ Там же. Д. 19. Л. 10, 12, 14—15.

да за 1920—1921 гг., основной причиной уклонения солдат от военной службы был недостаток рабочей силы в крестьянских хозяйствах. Так, почти все хозяйства охваченных обследованием дезертиров являлись однолошадными или безлошадными, 79% уклонистов были одинокими гражданами или происходили из небольших семей с числом членов от одного до пяти человек. Кроме того, в семьях у 74% беглецов половина и более едоков находились на иждивении. Уклонение от военной службы становилось массовым явлением в сезон полевых работ, когда в крестьянских хозяйствах возрастал спрос на работников. В 1918—1920-х гг. бегство с военной службы стимулировалось и тяжелыми условиями казарменного быта: антисанитарным состоянием жилых помещений, скудостью питания и снабжения красноармейцев.

Протест жителей деревень Европейского Севера в 1918—1920-х гг. против военно-мобилизационной политики государства был вызван принудительным отрывом проходящих армейскую службу сельчан от их социальной среды и обусловлен нарушением крестьянского образа жизни. В уклонении крестьян Севера от военной службы доминировали пассивные формы протеста: укрывательство лошадей от военной повинности, неявка крестьян на призывные пункты, подкуп должностных лиц военкоматов, симуляции болезней, самоизувечение, отказ от службы по религиозным убеждениям. Формами активного ненасильственного и насильственного протеста против военной службы являлись массовые беспорядки при призывах (“рекрутничество”), “незлостное” дезертирство (кратковременные самовольные отлучки из армейских частей, нередко для сбора милостыни), “злостное” дезертирство (бегство из армии, сопровождающееся хищением военного имущества, вооруженным сопротивлением власти). Уклоняющиеся от армейской службы крестьяне Европейского Севера обычно стремились избежать насильственного противодействия власти. Об этом свидетельствуют и данные о количестве дезертиров в северных губерниях. Значительный рост уклонения от военной службы приходился на 1919—1920 гг. К 1 января 1921 г. Вологодской и Северо-Двинской губернскими комиссиями по борьбе с дезертирством было зарегистрировано 65 998 беглецов, из которых “злостными” яв-

лялись 18 340 человек (28%)²⁹. С завершением гражданской войны на Севере число дезертиров постепенно сокращалось. С 1925 по 1927 г. среди дисциплинарных проступков красноармейцев 10-й стрелковой дивизии территориальных войск, расквартированной в Архангельской, Вологодской и Череповецкой губерниях, удельный вес самовольных отлучек сократился от 26 до 9% (104 случая в 1927 г.). Доля побегов из армии в 1926 г. составляла 0,2% от общего числа дисциплинарных проступков³⁰. Некоторое повышение процента неявившихся на военные сборы красноармейцев наблюдалось на Севере в 1926—1927 гг. одновременно с кризисом в международных отношениях и угрозой начала войны. Тогда же имели место проявления массовых беспорядков в ходе призывных кампаний (“рекрутничество”).

§ 3. “Конфликты с представителями власти”. Как правило, столкновения сельчан с представителями власти происходили в связи с несоответствием советских и партийных работников традиционным требованиям, предъявляемым к кандидатам на “мирские” должности. В 1918—1920-х гг. среди представителей власти на Европейском Севере наблюдались административный произвол, пьянство, сексуальная распушенность, склонность к хищениям, бюрократизм, чиновничье высокомерие в обращении с деревенскими жителями, богохульство и другие пороки, которые нередко приводили к социальной дискриминации крестьянства и были неприемлемы для сельчан. Случалось, что беззакония служащих отождествлялись крестьянами с гонениями “слуг антихриста” на “божьих праведников”.

Чаще всего борьба крестьян с коррумпированностью аппарата власти на Севере проявлялась в пассивных и активных ненасильственных формах (незаконное хранение оружия, саботаж выборов в сельсоветы, уход в сектанты, жалобы на административный произвол, антирабочие, антисемитские и антигородские выступления). Физическое уничтожение советских активистов редко входило в планы протестующих крестьян. Крестьянский экстремизм (политического характера хулиганство и убийства, “бандитизм”, поджоги, распространение слухов о свержении власти коммунистов) часто базировался

²⁹ ГАВО. Ф. 2525. Оп. 1. Д. 48. Л. 2, 11.

³⁰ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 11. Д. 19. Л. 290.

на апокалиптических представлениях о начале войны между силами “добра” и “зла”. Расправы крестьян северных губерний над “слугами антихриста”, т. е. представителями власти, активизировались в 1927 г., выразившись в росте хулиганства, который во многом был вызван реакцией деревенского населения на кризисную обстановку в стране.

Таким образом, в сфере общественно-политической жизни 1918—1920-х гг. протест крестьянства Европейского Севера был направлен против покушений со стороны власти на социальное пространство жителей села. В 1918—1920-х гг. политика государства отражала намерение руководства страны лишить крестьянство привычных социальных устоев и превратить его в покорный людской материал, предназначенный для последующей модернизации общественной жизни. На местах такая политика обычно приводила к классовой дискриминации крестьян и унижению их человеческого достоинства. В этом контексте протестующие крестьяне отстаивали свои традиционные социальные интересы и пытались занять достойное место в общественной структуре 1918—1920-х гг.

В заключение вынесены основные выводы по теме диссертационного исследования. Социальный протест северного крестьянства был важной частью его взаимоотношений с властью в 1918—1920-х гг. Он являлся ответной реакцией крестьянского сообщества на политику государства, на насильственные способы ее реализации, ущемляющие традиционные хозяйственные и социальные интересы крестьянства. Одновременно протест был включен в систему различных общественных отношений. Реакция сельчан на государственную политику обычно формировалась на микроуровне в рамках общины. Крестьяне протестовали против покушений со стороны государства на их жизненное пространство, включающее в себя материальные и духовные ценности. В этом смысле протест во многом носил неосознанный локальный характер, не был направлен на разрушение государственной системы, а отражал стремление большинства сельчан адаптировать ее к их потребностям на “взаимовыгодных” условиях. Роль социального протеста крестьянства Европейского Севера выражалась в том, что он являлся одним из основных регуляторов экономического и общественно-политического развития края в 1918—1920-х гг.

Множественность форм и конкретных способов социального протеста крестьянства Европейского Севера России была обусловлена многообразием властных воздействий на деревенских жителей в резко меняющейся обстановке гражданской войны, послевоенной разрухи и кризисов 1920-х гг. Более того, противодействие крестьян власти базировалось на опыте протеста многих их поколений, в связи с чем в крестьянском сопротивлении доминировали пассивные и активные ненасильственные формы (борьба за землю, лесонарушения, уход с государственных лесозаготовок, стачки лесорубов, уклонение от выполнения повинностей, укрывательство дезертиров, покровительство крестьян “лишенцам”, бойкотирование социальной помощи бедноте, армейское дезертирство, незаконное хранение оружия, саботаж выборов в сельсоветы, отправка жалоб в органы власти). Что касается активных насильственных и радикальных форм, то их в 1918—1920-х гг. было значительно меньше (погромы имущества коллективных хозяйств, политическое хулиганство и “бандитизм”, покушения на жизнь представителей власти, самосуды, антисоветская агитация и восстания).

В процессе выполнения диссертационного исследования выяснилось, что формы социального протеста северного крестьянства в 1918—1920-х гг. правомерно также делить на стихийные и организованные, санкционированные и несанкционированные властью, индивидуальные и групповые, маскируемые и открытые, адаптированные и радикальные. Это позволило показать условность структурирования протеста только на пассивные и активные формы, обозначить неоднозначность сопротивления крестьян власти. Так, в фактах политического хулиганства, например, наблюдалось намерение крестьян скрыть активные и радикальные формы протеста, избежать открытых конфликтов с представителями власти.

Радикализм протестующего крестьянства 1920-х гг. часто основывался на традиционных эсхатологических представлениях о конце света и страшном суде, проявлявшихся в политических настроениях деревенских жителей. Кульминации подобных настроений приходились на начало и вторую половину 1920-х гг., совпадая по времени с ростом крестьянского протеста, политической нестабильностью в стране, вызванной экономическими трудностями.

ми и осложнениями в международных отношениях (кризисы политики “военного коммунизма” и нэпа).

В приложения вынесены таблицы и тексты документов, на основании которых строится диссертационное исследование.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Влияние крестьянского протеста на взаимоотношения органов власти Вологодского Севера в 1918—1927 гг. // Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век. Архангельск, 1999. С. 133—139.

2. Материалы ГАВО и ВОАНПИ по истории социального протеста вологодского крестьянства в начале 1920-х годов // Историческое краеведение и архивы. Вып.6. Вологда, 2000. С. 116—118.

3. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919—1921 годах // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 189—202.

4. Участие сельских обществ в административно-территориальном обустройстве Европейского Севера России в 1918—1929 гг. (на материалах Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 23—29.

5. Зажиточное крестьянство и власть в 1920-е гг. (на материалах Европейского Севера России) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 165—166.

6. Зажиточное крестьянство и власть в 1920-е гг. (на материалах Европейского Севера России) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 286—293.

М. Кузнецов